

Глава 7.

Учредительное собрание, май – октябрь 1938 г.

Результаты выборов в Учредительное собрание отразили новое соотношение политических сил в стране. Победа антилиберальных групп и политиков свидетельствовала об эволюции влево политических настроений в обществе. Новые люди, новые идеи, новые перспективы развития отражали результаты выборов в Учредительное собрание. Здесь дебютировали новые лица. Виктор Пас Эстенсоро, будущий президент страны и лидер национал-реформизма, прошел от Тарихи. От Кочабамбы был избран А.Сеспедес, яркий писатель и активный политик националистической ориентации. Левый индеанист К.Мединасели представлял в собрании Народный фронт Потоси. В большинстве округов победили кандидаты от ФУС⁶⁰⁷. При всех условностях свободного волеизъявления граждан в Боливии тех лет результаты выборов позволяли констатировать фактическую смерть традиционных партий, их методов политической борьбы и социальной мобилизации.

Несколько обескураживающими были результаты выборов в столице. Ла-Пас отказал в поддержке официальным проправительственным кандидатам. Хотя в собрание прошел бывший министр труда, профсоюзный лидер В.Альварес, он занял лишь третье место по количеству поданных голосов⁶⁰⁸. На первые места вышли священники Т.Чавес Лобатон и Л.А.Тапия. Оба депутата не были связаны с традиционными партиями, но и не поддерживали открыто режим «государственного социализма». Т.Чавес Лобатон и В.Альварес были избраны несмотря на их репутацию коммунистов. Чавес Лобатон был связан с рабочим движением, часто выступал на митингах профсоюзов, его считали своим в бедных, рабочих кварталах столицы⁶⁰⁹. Его связь с ФОТ прибавила ему голо-

---

⁶⁰⁷ El Diario. 15.03.1938.

⁶⁰⁸ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶⁰⁹ Доклад министерства труда от 23 октября 1936 г. - ANB.PG. 1936. C.12.T.127. (PG7250).

сов рабочего электората Ла-Паса. Он получил 3.280 голосов. Л.А.Тапия, хотя и не входил в ФУС, был поддержан ЛЕК, сам был ветераном, политически ориентировался на социалистов. Именно его кандидатуру рекомендовал ЛЕК Х.Бушу на место архиепископа, когда в ноябре 1937 г. встал вопрос о замещении вакантной кафедры Ла-Паса. На выборах за него проголосовало 2.060 человек. Для сравнения приведем данные по голосованию за Б.Сааведру – 115 человек, и ни одного за известного писателя, либерала А.Аргедаса. Бойкот, объявленный традиционными партиями, удержал от участия в выборах около 50% избирателей⁶¹⁰. Выборы свидетельствовали, что по прошествии двух лет существования военно-социалистического режима страна, а точнее, её средний класс, в своем большинстве продолжал политическую эволюцию влево.

Из 80 депутатов 24 представляли профсоюзы – 6 от федерации железнодорожников, а остальные от ССТБ. К профсоюзному ядру примыкали другие левые и националистические политики из «Левой группы Кочабамбы» и «Народного фронта Потоси». Они объединились в «Рабочий сектор», в который также вошли некоторые проправительственные деятели, говорившие от имени «государственного социализма», например А.Ф.Кареага, Р.Риверин. В этой группе были известные профсоюзные вожди В.Альварес, Ф.Синьяни, Р.Вильяррозль Клауре, интеллектуалы, марксист А.Арратия, индеанист К.Мединасели, священник Т.Чавес Лобатон и другие. Затем к ним присоединился В.Гевара Арсе, будущий президент страны и один из идеологов национал-реформизма. В свою очередь, трое депутатов от «рабочего сектора» вскоре перешли во фракцию республиканцев-социалистов, а троцкист Х.А.Камачо, представлявший ПОР, объявил о своей оппозиционности левому большинству, считая его реформистским и мелкобуржуазным.⁶¹¹ Депутатом собрания был избран лидер социалистов Э.Бальдивесо. Социалисты, прошедшие в собрание, сгруппировавшиеся вокруг А.Сеспедеса, В.Пас Эстенсоро, присоединились к Независимой социалистической партии, выступавшей в союзе с «Рабочим сектором».

Несмотря на свою относительную малочисленность, левонационалистическое крыло, в котором преобладали национал-реформисты разных мастей, играло в собрании ведущую роль. Социалисты и «рабочий сектор» фактически по всем вопросам выступали совместно. Депутаты от ФУС воспринимали себя предста-

---

⁶¹⁰ El Diario.17.03.1938.

⁶¹¹ Alvarez España, W. Op.cit. P.171.

вителями правящей партии и сразу стали играть ведущую роль среди левонационалистического большинства собрания. Они требовали взаимности от исполнительной власти. ФУС просил Х.Буша проводить согласования назначений на ответственные посты в правительстве и на дипломатической службе, куда, по их мнению, «могли назначаться только социалисты и ветераны»⁶¹².

Социалистическому и националистическому большинству противостоял правоцентристский блок депутатов. Центристские позиции занимала «антиперсоналистская» фракция Республиканско-социалистической партии. Ядро правого крыла собрания состояло из депутатов тропических и восточных районов страны, Санта-Круса и Бени. Однако среди депутатов «восточного блока» не было единства взглядов, часть «восточных» депутатов, симпатизировавших националистам и даже объявлявших себя национал-социалистами, всё же примыкала к левонационалистическому большинству. Среди депутатов из восточных районов было несколько левонационалистических деятелей и синдикалистов: Л.Барбери А.Ибаньес, С.Барбери⁶¹³.

Большинство Восточной партии составляли ставленники могущественного в этих районах латифундистского клана Суареса. Это были земляки Х.Буша, чем они пользовались, оказывая давление на президента. Х.Буш отказался вступить в Восточную партию, что ему было предложено, и даже распорядился запретить её, усматривая в самом факте существования столь регионально ориентированной организации угрозу единству страны. Позднее Восточная партия была все-таки создана на съезде в феврале 1939 г. в г. Кобиха. Х.Буш остался непримиримым противником этой идеи и добился ликвидации Восточной партии⁶¹⁴. В Учредительном собрании восточные депутаты составили ядро правого крыла. Помимо Восточной партии в собрание прошли другие правые депутаты: такие как «патынист» Фахардо или сааведрист Ауса. Их влияние на настроение и общий ход дискуссии собрания был невелик.

Открытие собрания 26 мая 1938 г. ознаменовалось скандалом. Депутаты «рабочего сектора» отказались принести клятву верности народу и стране перед Распятием и Евангелием, заявив, что будут руководствоваться в своей деятельности лишь идеалами «социальной справедливости». Они давали клятву верности «социальной революции» с поднятым сжатым кулаком. К.Мединасели

---

⁶¹² Письмо исполкома ФУС – Х.Бушу от 19 апреля 1938 г. - ANB.PG. 1938, C.14.T.190. (PG6872).

⁶¹³ Cespedes A. Op.cit.,P.166.

⁶¹⁴ La Calle. 15.02.1939.

произнес более экстравагантную клятву: «Именем Христа, самого великого социалиста»⁶¹⁵. Демонстрация левыми депутатами «разрыва» со старым режимом вызвала шок у добропорядочных граждан и спровоцировала протест со стороны правоконсервативной прессы. Католические женские и детские организации провели манифестации и марши в знак протеста против «атеистического и коммунистического» сборища в Учредительном собрании⁶¹⁶.

В первый день заседания был избран председатель собрания. Им стал Ренато Риверин, ранее подвизавшийся при правительствах Сааведры и Силеса, а ныне ставший «пламенным» социалистом и пропагандистом «государственного социализма». Он произнес напыщенную речь, в которой объявил о начале строительства «социалистического парламентаризма». Р.Риверин повторил общие места доктрины «государственного социализма»: сотрудничество классов, солидарность и социальная справедливость. Приход новой эпохи в конституционном развитии Боливии он объяснял «заменой в сознании людей старых индивидуалистических норм на новые, основанные на солидарности и сотрудничестве классов»⁶¹⁷. Помимо скандалов, шумихи и патетических заявлений политиков всех мастей в первый день заседания Ассамблеи депутаты заслушали послание Х.Буша. Из него вытекало, что только теперь, после выборов, появилась реальная возможность осуществить «социалистическую программу Майской революции».

После всех процессуальных вопросов первым пунктом в повестке дня было избрание конституционного президента и вице-президента страны. Ещё за месяц до открытия собрания 28 апреля 1938 г. ЛЕК выдвинул на пост президента кандидатуру Х.Буша. Практически все партии поддержали это предложение. Борьба развернулась вокруг кандидатуры вице-президента. Накануне открытия собрания, 14 мая 1938 г. собрался Центральный комитет ПСЕ, который принял обращение к Х.Бушу. В этом документе ПСЕ указывала, что существует целая группа депутатов, в основном из восточных районов, желающих выдвинуть кандидатуру У.Монтеса на пост вице-президента. ПСЕ заявляла о своей поддержке Э.Бальдивьесо и призвала всех «социалистических» депутатов не допустить победы консервативного кандидата⁶¹⁸.

---

⁶¹⁵ Gallego Margaleff, F.J. Ejército, nacionalismo y reformismo, P.35.

⁶¹⁶ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 14 de junio de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶¹⁷ Redactor. 1938. T.I. P.81.

⁶¹⁸ Письмо ПСЕ – Х.Бушу от 16 мая 1938 г. - ANB.PG. 1938. C.14. T.188. (PG7197). 33.

Если по вопросу о президенте дискуссии не было, учитывая, с одной стороны, всеобщее убеждение в успехе будущего правления Х.Буша, а с другой, сам характер военной власти и способ, каким претендент стал главой государства, то фигура вице-президента могла стать знаковой, определяющей долгосрочную перспективу эволюции режима. Даже врагами Х.Буш воспринимался как неизбежное зло, открыто бороться с которым было бесполезно и небезопасно.

Как правые оппозиционеры, так и левые сторонники Х.Буша признавали, что курс будущего конституционного президента страны будет определяться не столько «революционной программой мая 1936 г.» или новой конституцией, сколько влиянием его ближайшего окружения. В этой связи вопрос о вице-президенте приобрел невероятную остроту, причем сам Х.Буш равнодушно взирал на борьбу различных политических групп и на их попытки оказать давление на него самого. Он оставался безучастным и держался своего выбора не по убеждению, а исходя из верности своим предыдущим договоренностям: слишком малое значение он придавал этой должности и возможности влияния вице-президента на процесс принятия решений. ЛЕК предложил, а Х.Буш поддержал кандидатуру Э.Бальдивесо.

Выбор ЛЕК вызвал недовольство военной верхушки, не желавшей возвращения к экспериментам Д.Торо, к возрождению уже подзабытых корпоративистских планов переустройства общества, олицетворением которых был лидер социалистов Э.Бальдивесо. Генералитет настаивал на кандидатуре посла Боливии в США, считавшегося умеренным реформатором, Л.Ф.Гуачалья.

Против Э.Бальдивесо особенно активно выступал министр внутренних дел С.Меначо⁶¹⁹. Между ними существовала стойкая антипатия, усугублявшаяся политическими разногласиями по широкому кругу вопросов. С.Меначо выступал, также как и Э.Бальдивесо, за антилиберальные реформы и создание корпоративистского государства, но представлял его себе в виде консервативного режима, типа франкистского, где при полном подавлении рабочего движения и запрете на коммунистическую деятельность роль арбитра в обществе отводилась бы военным. Э.Бальдивесо и его соратники также не питали симпатий к либерализму и демократии, но будущий политический строй, по их мнению, должен был основываться на всеобщей синдикализации,

---

⁶¹⁹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 18 de mayo de 1938. 30 – 3 – 15.

огосударствлении профсоюзов, усилении экономической роли государства, подавлении олигархии.

Все эти споры Х.Буш решил в пользу Э.Бальдивьесо, и военные сняли свои предложения. Не имевший никаких перспектив на избрание, У.Монтеса, племянник бывшего президента и лидера либералов, отдавая себе отчет в бесперспективности противостояния официальным кандидатурам, сам снял свою кандидатуру. Х.Буш и Э.Бальдивьесо были единственными претендентами, и выборы оказались безальтернативными.

27 мая, на второй день заседания, Учредительное собрание приняло решение о временном введении в действие конституции 1880 г. до разработки нового основного закона. Затем, А.Сеспедес в блестящей речи представил собранию кандидатуры Х.Буша и Э.Бальдивьесо. Как и следовало ожидать, почти единогласно (при трех воздержавшихся) депутаты избрали Х.Буша конституционным президентом Боливии. Э.Бальдивьесо стал вице-президентом. 28 мая на специальной сессии они торжественно вступили в должности. В своей инаугурационной речи Х.Буш так обрисовал задачи правительства: «Миссия, которую вы поручаете мне в столь трудные и чрезвычайно тяжелые для страны дни, не может быть выполнена ни одним человеком, ни одной партией или группой. Для её успеха необходимы усилия всей нации, о чем я прошу всех в этот торжественный момент. Оставьте в стороне разногласия, разделяющие вас, какими бы серьезными и важными они вам не казались, и присоединяйтесь к нашей работе в этот ответственный для родины час... Я призываю страну осуществить священную задачу возрождения нации... Политический мир и социальная справедливость, вдохновляемые самым чистым боливианизмом, являются насущной потребностью страны.. Исчезнут профессиональные и классовые антагонизмы, и это даст возможность консолидировать нацию. Солдаты, рабочие и капиталисты объединятся в беззаветной борьбе за интересы всей нации»⁶²⁰. Целью новой власти для Х.Буша было достижение национального единства через преодоление всех классовых и социальных противоречий, через подчинение интересов каждой личности одной задаче - возрождению величия страны.

Заседание завершилось большой программной речью Э.Бальдивьесо, который от имени «социалистического» правительства обрисовал направления и цели работы Учредительного собрания. Лидер социалистов подчеркнул кардинальное отличие состава Учредительного собрания от всех предыдущих органов

---

⁶²⁰ Redactor. 1938. Т.1. Р.83.

законодательной власти: «Впервые в парламент Боливии избраны подлинные представители трудящихся классов. Они оставили свои фабрики и рудники, чтобы участвовать в управлении государством»⁶²¹.

Э.Бальдивесо заявил, что приоритетной задачей депутатов будет решение «социальных вопросов». Он подчеркнул, что в программе «государственного социализма» и майской революции 1936 г. намечены задачи глубоких социально-экономических преобразований. К острым животрепещущим проблемам, без разрешения которых невозможен ни экономический, ни социальный, ни культурный прогресс нации, относились, по его мнению, аграрный вопрос, индустриализация и защита национального капитала перед лицом империализма. Решение этих кардинальных проблем позволило бы создать основу построения общества «социальной справедливости и гармонии». Он говорил: «Наша реальность – это огромная малонаселенная страна, богатство недр и разнообразие производственных возможностей, отсутствие связи центров потребления и производства, примитивный аграрный строй, в котором сосуществуют непродуктивная латифундия и индейская община с коллективистским строем. В городах мы встречаем ремесленников средневекового типа, едва поднимающуюся промышленность; мелкие горнопромышленники с трудом пробиваются среди крупного иностранного капитала; рахитичный и слабый национальный капитализм, к тому же находящийся под постоянной угрозой поглощения экономическим империализмом». Исходя из этого анализа действительности и поставленных целей, – продолжал далее Э.Бальдивесо, – депутаты должны провести конституционную реформу, «в которой не должно быть места ни чужим моделям, ни иностранным социально-экономическим рецептам».⁶²²

Все политические силы, и в первую очередь, националисты, социалисты и рабочие профсоюзные лидеры, приглашались приступить к строительству «Новой Боливии».

Вслед за подтверждением своих конституционных полномочий Х.Буш отправил в отставку кабинет. Слишком рьяно выступавший против Э.Бальдивесо, а значит и против воли президента министр внутренних дел С.Меначо потерял свой пост. Его место занял капитан Элиас Бельмонте. Он был членом тайной ложи РАДЕПА, члены которой заявляли о своем принципиальном нежелании занимать государственные посты. Однако Э.Бельмонте стал министром внутренних дел. Как и большинство членов ложи,

---

⁶²¹ Redactor. 1938. Т.1. Р.85.

⁶²² Redactor. 1938. Т.1. Р.85 - 86

Э.Бельмонте считал себя приверженцем национал-социалистической идеологии. Примером для подражания были Германия и Италия. Будучи в 1937 г. шефом полиции Ла-Паса, он намеревался создать полицейские органы по образцу нацистской Германии. Не без его участия было принято решение послать 134 человека на военное и полицейское обучение в Италию.⁶²³ По масштабам полицейского корпуса это была многочисленная делегация.

Э.Бельмонте и его единомышленники называли себя просто социалистами. Анализируя взгляды боливийского национализма того времени, очень трудно провести разграничительную линию между нацизмом и псевдосоциалистическими идеями. Их главными постулатами были приоритет интересов нации перед лицом эгоистического, либерального капитализма и достижение социальной гармонии через преодоление классовой борьбы. С левыми, марксистами их сближало понимание того факта, что главным препятствием для поступательного развития страны является союз местной олигархии и американского империализма. Успехи третьего рейха и муссолиниевской Италии сделали привлекательными нацистские идеи и политические методы фашизма. Главное, что объединяло в глазах социалистов фашистский и коммунистический режимы, - это отрицание ценностей либеральной демократии и свободно-конкурентного рынка. По их мнению, либеральная демократия в Боливии полностью дискредитировала себя неспособностью эффективно управлять страной в период потрясений мирового кризиса и войны с Парагваем.

Если увлечение фашизмом в эти годы у многих националистов было поверхностным и отчасти данью моде, то Э.Бельмонте определился в своих взглядах и симпатиях ещё в 20-е годы. Как и многие другие боливийские офицеры, находившиеся под влиянием работавших в Боливии немецких советников, среди которых достаточно еще раз упомянуть создателя штурмовых отрядов Э.Рема, Э.Бельмонте был увлечен национал-социализмом. Вместе с тем, мексиканский посол, человек, придерживавшийся левых марксистских взглядов, У.Розенцвейг Диас характеризовал Э.Бельмонте как социалиста, хотя и симпатизировавшего фашистским режимам⁶²⁴. Бельмонте, действительно, развивал идеи, близкие левым социалистам и коммунистам, особенно в экономической сфере. Правый

---

⁶²³ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶²⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 14 de junio de 1938. 30 – 3 – 15.

депутат Учредительного собрания У.Сальмон в разговоре с А.Аргедасом рассказал ему, что Бельмонте твердо намерен выполнить свою программу-минимум, включавшую два главных пункта: национализировать горнорудную промышленность и добиться реального улучшения положения рабочего класса⁶²⁵. Э.Бельмонте был одной из самых ярких и противоречивых фигур в правительстве Х.Буша.⁶²⁶ В деятельности Э.Бельмонте отразились внутренние противоречия самого режима «государственного социализма»: тенденция к тоталитаризму, антидемократизму, некоторая антибуржуазная, антисистемная направленность сочетались с умеренностью реальных действий, боязнью более тесного союза с рабочим движением и леворадикальными партиями.

Не менее скандальным было назначение молодого социалиста К.Салинаса Арамайо на ответственный пост префекта Ла-Паса. В руках этого темпераментного политика, бывшего большим другом Х.Буша, оказались все репрессивные органы столицы. Назначение Э.Бельмонте и К.Салинаса Арамайо было воспринято консервативными столичными кругами как преддверие катастрофы. Кроме того, в правительство вошли социалисты В.Лейтон (министерство торговли), Б.Навахес Триго (министерство образования), а также один из инициаторов экспроприации «Стандард Ойл» Д.Фионини, занявший ключевой пост министра горнорудной и нефтяной промышленности.

Казалось, что Х.Буш располагал мощной командой, настроенной на решительные меры по реформированию общества. Однако в свойственной ему манере создавать в рамках кабинета министров некую видимость союза всех политических сил, своеобразную модель национального единства, Х.Буш вручил самые серьезные посты экономического блока представителям проолигархических кругов, в основном связанным с С.Патиньо. МИД возглавил доверенное лицо «короля олова» Э.Дьес де Медина, про которого даже либерал А.Аргедас сказал, что это – «циничный лгун, служивший последние 30 лет всем правительствам без разбора»⁶²⁷. Министром финансов стал консерватор А.Паласиос, министром сельского хо-

---

⁶²⁵ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8, P.200.

⁶²⁶ Имя Э.Бельмонте связано с фабрикацией британской разведкой в 1942 г. «дела о нацистском заговоре» в Боливии, во главе которого якобы стоял Э.Бельмонте. Его «дело» было использовано Англией и США для давления на правительство Боливии, которое было принуждено разорвать отношения со странами "оси". – Blasier C. The Hovering Giant. U.S. Responses to Revolutionary Change in Latin America, 1910 – 1985. Pittsburgh, 1976. P.46 – 47.

⁶²⁷ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8, P.191.

зайства - правый депутат, один из лидеров «Восточной партии» Х.Сальмон.

Пост министра экономики достался Габриэлю Госалвесу, занимавшему до этого место секретаря правительства. Его влияние на Х.Буша было наибольшим, к тому же взгляды Г.Госалвесы представляли собой некую равнодействующую между противоположными полюсами в самом правительстве, позволяя сосуществование в рамках одного кабинета радикала-националиста Э.Бельмонте и консерватора А.Паласиоса.

Конституционные вопросы.

Новый кабинет должен был обратить всё своё внимание на конституционную реформу, ради которой и было создано Учредительное собрание. Попытки правого крыла переключить дискуссию лишь на обсуждение некоторых модификаций в формулировках конституции 1880 г. успеха не имели. Большинство было решительно настроено на выработку принципиально нового основного закона.

Депутаты разработали проекты основного закона, в том числе и такие, в которых провозглашалось установление «социалистической демократии». Были предложения учредить однопалатный парламент и кардинально пересмотреть многие доктринальные положения права, в том числе касающиеся частной собственности⁶²⁸. По мнению радикальных депутатов «рабочего сектора», новая конституция должна была быть «чисто социалистической». «Собрание 1938 г., - утверждал рабочий депутат Р.Вильярроэль Клауре, - является революционным, что есть результат социального и политического развития страны и что соответствует общим убеждениям наших граждан. В новой конституции должна доминировать универсальная социалистическая доктрина, глубоко укоренившаяся среди рабочих во всем мире»⁶²⁹.

Проект однопалатного функционального парламента был отвергнут, как и многие другие «экстремистские» предложения. Наиболее радикальные проекты исходили от левого крыла собрания, прежде всего от депутатов «рабочего сектора», Э.Савальи, Родригеса Васкеса, Р.Вильярроэля Клауре, В.Гевара Арсе. Конфронтация «рабочего сектора», защищавшего новые принципы, и правых депутатов, отчаянно отстаивавших конституцию 1880 г., показала численное, интеллектуальное и, главное, морально-

---

⁶²⁸ Redactor. 1938. T.I. P.332 – 340.

⁶²⁹ Redactor. 1938. T.I. P.129.

психологическое превосходство нового поколения, вышедшего из войны в Чако и не желавшего возвращения страны к системе, приведшей её к поражению. Хотя тон дискуссий в собрании задавали левые, среди них не было единства взглядов по большинству конституционных вопросов, что ослабляло реформистский потенциал собрания.

Большинство радикальных проектов не были поддержаны властью, за их принятие высказывались лишь отдельные члены собрания. Правительство представило проект, в котором была сохранена та часть либеральной конституции 1880 г., которая касалась прав и свобод граждан. Эти принципы признавались практически всеми членами ассамблеи, как справа, так и слева. По проблемам определения прерогатив государства и прав собственности разгорелась жаркая дискуссия. В этих вопросах положения проекта основного закона опирались на принципы «социального конституционализма». Их суть состояла в ограничении прав частной собственности интересами общественного блага. После длительной дискуссии победила позиция умеренного большинства, поддержавшего правительственный проект. Суть её сформулировал депутат от ПРС Монтельяно, бывший основным докладчиком по конституционным вопросам: «Будет сохранена конституция 1880 г. с изменением тех положений, которые относятся к экономическому строю и вопросам собственности, трудовому законодательству и аграрно-крестьянской проблеме. В этой реформе и состоит, собственно, наша историческая задача»⁶³⁰.

«Социальный конституционализм» состоял в провозглашении ответственности государства за социальную защиту человека. Левый депутат Р.Вильярроэль Клауре, цитируя австрийских теоретиков социального государства Бауэра и Адлера, говорил: «Функциональная демократия...исправляет недостатки парламентской демократии».⁶³¹ Эта концепция предполагала новую формулу гарантий прав собственности. Её сформулировали В.Пас Эстенсоро и, главным образом, В.Гевара Арсе. Право собственности и её неприкосновенность гарантировались лишь в том случае, если она полностью выполняла свою «социальную функцию», то есть служила не только интересам отдельных лиц или классов, а всему обществу. Собственность уже не считалась естественным правом, существующим вне государства, вне интересов нации, а становилась правом, которое гражданин получал от государства, и кото-

---

⁶³⁰ Redactor. 1938. T.2. P.398.

⁶³¹ Redactor. 1938. T.2. P.428.

рое, в свою очередь, это право гарантировало лишь в той мере, в какой собственность выполняла свою «социальную функцию».

В.Пас Эстенсоро так объяснял нововведения: «Мы совершенно не стремимся уничтожить частную собственность, не хотим коллективизации. Мы признаем право собственности, принимаем принцип её неприкосновенности, но обуславливаем гарантии права собственности выполнением ею социальной функции, то есть владелец богатств будет осуществлять деятельность не только для своей пользы, но и на благо коллектива»⁶³². В проекте говорилось: «Собственность – это основное право, но и обязательства, вытекающие из её социальной функции. В.Пас Эстенсоро настоял на изменении этого текста и включении в него термина «неприкосновенности» собственности. Его позиция была поддержана большинством и стала окончательной версией 17 статьи: «Собственность неприкосновенна лишь при выполнении ею социальной функции, экспроприация возможна лишь в случае общественной необходимости в соответствии с законом и при предварительной и справедливой компенсации»⁶³³. Против права государства на экспроприацию выступили не только консервативные, но и умеренные социалисты: депутаты Монтаньо, Флорес Хименес, Сегада, Чавес Суарес, Серрате и другие.

Против новой концепции права собственности ополчились все традиционные партии, и прежде всего, либералы. В своих статьях в «Эль Диарио» А.Аргедас сравнивал ограничения собственности с покушением на сам «принцип жизни как таковой»⁶³⁴. За стенами парламента либеральная пресса повела кампанию против конституционных новшеств. Газета «Эль Диарио» в редакционных статьях утверждала, что концепция социальной функции собственности «может быть, и полезна с точки зрения социализма, но явно противоречит основам национальной жизни и интересам страны»⁶³⁵. Либеральные политики, такие как П.Гильен, распространяли панические суждения о том, что конституционные реформы означают отмену и обобществление собственности⁶³⁶.

Несмотря на упорное сопротивление правых партий и либеральных газет, Учредительное собрание приняло революционные по тем временам формулировки о праве собственности. Это был краеугольный камень построения всего нового здания боливийско-

---

⁶³² Redactor. 1938. T.2. P.525.

⁶³³ AA.1938. T.3. La Paz, 1938. P.1448.

⁶³⁴ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8, P.207.

⁶³⁵ El Diario. 26.07.1938.

⁶³⁶ El Diario. 27.07.1938.

го общества: были созданы законодательные и концептуальные предпосылки радикального реформирования экономики и социальных отношений, в которых решающую роль играло государство. Реформа вела к последовательному усилению государства в обеспечении гарантий социальной защиты, здравоохранения, образования и т.д.

В соответствии с широко распространенным программным лозунгом строительства государства «социальной справедливости», проект конституции провозглашал право на труд, ответственность правительства за минимальную зарплату и жизнеобеспечение населения. Статья 106 устанавливала: «Экономическая жизнь должна отвечать принципам социальной справедливости и обеспечивать всем жителям страны жизнь, достойную человека»⁶³⁷. По мысли реформаторов, эти положения конституции создавали основу «социальной экономики», в которой ведущая роль принадлежала бы не частному предпринимательству, а государству. В.Гевара Арсе так сформулировал роль государства в экономическом развитии: «Там, где нет капитала или инициативы, должно вмешиваться государство, полностью отбросив либеральную доктрину, превратившую государство в простого стража частных состояний и частной инициативы»⁶³⁸

Новая конституция освящала принцип государственного дирижизма в экономической сфере. Статья 108 указывала: «Государство обладает полным правом посредством закона регулировать промышленность и торговлю, когда того требуют общественная необходимость и национальная безопасность». И далее: «Это вмешательство может осуществляться в форме контроля, стимулирования или прямого управления»⁶³⁹. Экономический этатизм, положенный в основу конституции, был краеугольным камнем национал-реформистской программы преобразований.

Статья 107 закрепляла исключительное право государства распоряжаться недрами, полезными ископаемыми страны⁶⁴⁰. Ввиду особого места вопроса о нефти в жизни Боливии в эти годы в конституцию была включена отдельная статья, регламентирующая нефтедобычу: «Экспорт нефти, добываемой частными или государственными компаниями, осуществляется лишь через государственные организации»⁶⁴¹. В.Пас Эстенсоро шел далее этой декла-

---

⁶³⁷ АА.1938. Т.3. Р.1470.

⁶³⁸ Redactor. 1938. Т.2. Р.264.

⁶³⁹ АА.1938. Т.3. Р.1471.

⁶⁴⁰ АА.1938. Т.3. Р.1470.

⁶⁴¹ АА.1938. Т.3. Р.1471.

рации прав государства на недра. По его мнению, из данного положения вытекало право государства на осуществление монополии всего экспорта, что должно было стать финансовой базой накоплений для диверсификации и индустриализации народного хозяйства Боливии. По его мнению, эта мера являлась «единственным средством проведения глубоких, радикальных преобразований в социально-экономической структуре Боливии»⁶⁴².

Авторы новой концепции построения всего хозяйственного уклада страны полагали найти формулу, позволяющую избежать те недостатки и издержки развития, которые несла с собой частнокапиталистическая, либеральная модель функционирования экономики. Панацеей от всех напастей кризисов и нестабильности капиталистического рынка им казалось сверхмощное государство, перерастающее рамки политической структуры и поглощающее всю экономику. По сути логика их преобразований вела к государственному капитализму. Реформаторские устремления боливийских социалистов в 30-е годы были гораздо радикальнее их последователей, национал-реформистов в 40-50-е годы. Фактически социалисты предлагали постепенную монополизацию государством всей хозяйственной жизни, что в корне противоречило частнособственнической основе рыночной экономики, подрывало фундамент буржуазного строя. Впоследствии эта радикальная программа стала более умеренной, из неё исчезли требования монополизации в руках государства целых отраслей народного хозяйства, внешней торговли и т.д. Идеи «социального конституционализма» рассматривались боливийскими реформаторами как ступень в строительстве корпоративного государства с этатистской экономикой.

Подавляющим большинством голосов 30 октября 1938 г. собрание приняло новую конституцию Боливии. Конституционные, основополагающие формулировки, принятые собранием, закладывали фундамент будущих социально-экономических реформ. Идеи «социального конституционализма», включавшие в себя ограничение права частной собственности и предполагавшие конкретную социальную ответственность государства за благосостояние своих граждан, были алгоритмом реформирования всех сторон жизни общества. Неизбежно вставал вопрос об аграрной реформе, об ограничении олигархического капитала и о социальных гарантиях трудящимся. Конституция, хотя и не была программой реформ, императивно предполагала их проведение.

---

⁶⁴² Klein, H S. Parties and Political Change, P.285.

Обсуждение аграрного вопроса

Реформа в Клисе, осуществленная при Д.Торо, так и осталась локальным экспериментом. Военные-социалисты не решались приступить к решению столь сложной проблемы как аграрный вопрос. Х.Буш не проявлял инициативы, и было неясно, что правительство намеренно предпринять в аграрной сфере. Между тем, еще до открытия Учредительного собрания в обществе активно обсуждались аграрный и индейский вопросы. Большую активность проявляли учителя-индеанисты, центром движения которых была школа-айлью Варисата во главе с ее организатором Э.Пересом. В октябре 1937 г. ими был проведен конгресс учителей индеанистов, на котором был принят устав сельских школ. Конгресс призвал правительство обратить свое пристальное внимание не только на состояние индейского, крестьянского просвещения, но и на весь комплекс аграрных проблем. Их поддерживали лидеры индеанистского движения в Мексике⁶⁴³ и боливийские левые организации.

Деятельность учителей-индеанистов нашла отклик у многих членов правительства, в том числе и у некоторых военных. Вопросы, связанные с индейским населением, находились в компетенции министерства образования, которое с 17 мая 1937 г. возглавлял подполковник Альфредо Пеньяранда. После смещения Д.Торо он сохранил свой пост. До прихода в правительство он был заместителем Х.Буша в Генштабе, и затем, став министром и пользуясь доверием президента, проводил курс в поддержку Варисаты и всего индеанистского движения. А.Пеньяранда был человеком прогрессивных взглядов. Он оказал большое содействие проведению индеанистского конгресса в Ла-Пасе. У него сложились добрые отношения с мексиканским посольством, которое построило Павильон Мексики в Варисате в рамках подготовки индеанистского конгресса.⁶⁴⁴ Более того, 27 июля 1937 г. правительство специальным декретом обязало всех помещиков платить школам один боливиано в месяц за каждого ученика⁶⁴⁵, что сделало непримиримыми врагами учреждения новых школ. Союз левых индеанистов и правительства напугал помещичью реакцию и традиционные политические партии. Реакционная пресса развернула истерическую кампанию против «коммунистического и тоталитарного экс-

---

⁶⁴³ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938. Carta de E.Perez – G.Sanchez de 25 de febrero de 1938. 30 – 3 – 16.

⁶⁴⁴ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos suplementarios. 1938, 30 – 3 – 16.

⁶⁴⁵ AA.1938. T.3. P.68 – 69.

перимента» в Варисате. Возглавляла эту травлю Варисаты газета «Ла Расон», публиковавшая статьи талантливого писателя, к тому же индейца Висенте Фернандеса, прочно отстаивавшего либеральные принципы «интеграции» индейского крестьянства в белометисное общество Боливии, то есть защищавшего перспективу полной ассимиляции и испанизации индейских народностей⁶⁴⁶.

Интенсивное наступление на Варисату встретило стойкий отпор со стороны националистических и левых депутатов собрания. В июле 1938 г. от их имени Ф.Эгино Савалья направил в министерство внутренних дел депутатский запрос по поводу «помещичьих действий в отношении индейской школы в Варисата, в частности, в связи со сгоном колонов с земель близлежащих общин»⁶⁴⁷. Правительство отреагировало оперативно, дав понять местным помещикам, что эта школа будет существовать несмотря ни на что, а попытки помешать её развитию будут строго пресечены.

Индеанистская тематика не сходила со страниц левой и националистической прессы. Проправительственная «Ла Калье» публиковала массу материалов по аграрному вопросу. Под влиянием индеанизма изменилось отношение левонационалистических кругов к общине. Если в 1937 г. статьи в «Ла Калье», «Ла Ноче» и других газетах помимо индейского просвещения касались аграрной тематики лишь как проблемы технической отсталости сельского хозяйства и засилья гамоноализма (латифундизма), то в 1938 г. всё чаще звучали казавшиеся ранее еретическими утверждения о необходимости сохранения общины как основы будущей социальной структуры деревни⁶⁴⁸. В то время как община оставалась в глазах и либеральных, и постлиберальных (марксистских, например) политиков главной виновницей отсталости и застоя в сельском хозяйстве Боливии, активная деятельность индеанистов привела к серьезным изменениям в отношении левых партий, в том числе и социалистов, к общине и планам переустройства боливийской деревни. Обсуждались идеи реформирования на коллективистских основах общины-айлью.⁶⁴⁹ Реформирование сельского хозяйства на основе общины вписывалось в общую стратегию построения этатистской экономики, в которой роль личности, частного предпринимателя, фермера подчинялась бы общественным институтам

---

⁶⁴⁶ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15.

⁶⁴⁷ Запрос в МВД от 27 июля 1938 г. - ANB.PG. 1938. C.14.T.200. (PG6869). B.1674.

⁶⁴⁸ La Calle. 30.08.1938.

⁶⁴⁹ Ibidem.

и государству. Община идеально подходила к этой системе, как элемент государственного управления сельским хозяйством.

Активное обсуждение в обществе аграрно-крестьянского вопроса побудило Учредительное собрание обратиться к этой теме. Среди депутатов левого крыла наибольшую активность проявляли В.Гевара Арсе (ПСИ) и А.Арратия⁶⁵⁰, страстно отстаивавшие радикальное решение аграрных проблем. Выступая в собрании, В.Гевара Арсе подчеркивал, что решение аграрного и индейского вопросов, - это, прежде всего, задача завоевания экономической независимости Боливии⁶⁵¹. Он требовал признания гражданских прав индейского населения. Во время дискуссии о свободе слова В.Гевара Арсе был единственным человеком, кто вспомнил о том, что девять десятых населения страны лишены не только свободы слова, но и элементарных гражданских прав. «Учредительное собрание состоит из 120 депутатов, из которых сто должны были бы представлять индейцев и метисов, ибо демократия – это власть народа»⁶⁵².

В.Гевара Арсе был поборником ликвидации латифундий на основе преобразования поместий в коллективные хозяйства, главной ячейкой которых могла стать индейская община. Он считал, что ликвидация крупного хозяйства и парцелляция земли будут шагом назад в развитии, откатом к «первоначальной фазе либерального капитализма». Поместье должна заменить община как единый производственный организм⁶⁵³. Эти идеи В.Гевары Арсе не нашли поддержки не только у либералов и республиканцев-социалистов, что было прогнозируемым, но и у левых, считавших себя марксистами и коммунистами. А.Арратия убеждал своего коллегу в несвоевременности «социализации средств производства и земли», ибо перед Боливией еще не стояли задачи социалистического переустройства, а пока только осуществление либерально-демократических реформ⁶⁵⁴.

---

⁶⁵⁰ А.Арратия представлял в собрании Народный фронт Потоси, организацию, фактически полностью контролировавшую власть в этом городе. Впоследствии А.Арратия был одним из основателей и руководителей марксистской Партии революционной левой (ПИР), созданной в 1940 г., затем стоял у истоков образования Компартии в 1950 г. В 60-е годы был одним из лидеров маоистской компартии, отколовшейся от промосковской КПБ в 1964 г.

⁶⁵¹ El Diario.20.10.1938.

⁶⁵² Redactor. 1938. Т.2. Р.153 – 154.

⁶⁵³ Redactor. 1938. Т.2. Р.535.

⁶⁵⁴ Redactor. 1938. Т.2. Р.562 – 563.

В результате радикальный проект В.Гевары Арсе был отвергнут большинством собрания, не готовым пойти на столь революционные действия. Сподвижники и единомышленники В.Гевара Арсе, в том числе В.Пас Эстенсоро, также не поддержали радикализм его программы. Национал-реформисты, заявляя о необходимости реформы в деревне, соглашались принять идею экспроприации земли лишь в рамках конституционной концепции социальной функции частной собственности. Экспроприация разрешалась в отношении непродуктивных латифундий при условии предварительного возмещения стоимости поместья. Более того, национал-реформисты предлагали направить усилия по подъему сельского хозяйства в русло колонизации пустующих земель востока страны⁶⁵⁵. Левые депутаты Эгино Савалья и считавшийся коммунистом Ф.Синьяни настаивали на признании принципа предварительной компенсации помещикам за их собственность⁶⁵⁶. Итог обсуждения был неутешителен для депутатов - сторонников решительного реформирования аграрных отношений. Их предложения не нашли поддержки у большинства.

В.Геваре Арсе и его сподвижникам все же удалось провести часть своих идей в основной закон. В последний день работы собрания по предложению Т.Дельгадо была принята статья 165, по которой впервые индейская община признавалась субъектом права, за ней закреплялся статус юридического лица⁶⁵⁷. Это означало конец либерального аграрного законодательства, отрицавшего корпоративные права общины на землю. Признание общины подвело черту под всей либеральной аграрной политикой, начало которой восходило к декретам Боливара 1825 г. Это был лишь первый, хотя и очень важный шаг в аграрном реформировании.

Среди левых депутатов, в том числе и принадлежавших ФУС, не было единства в подходе к аграрному вопросу. Некоторые «социалистические депутаты» отвергали необходимость каких-либо перемен в деревне. Это не удивительно ввиду того, что многие депутаты защищали интересы среднего класса, тесно связанного с мелким и средним помещичьим землевладением. Депутат-социалист Бильбао Льендо договорился до утверждений, что в Боливии нет понгеахе, то есть бесплатных отработок индейцев в пользу помещика. Это высказывание послужило поводом к скандалу, который отвлек депутатов и общество от сути аграрного вопроса, к обсуждению которого так никто и не захотел вернуться.

---

⁶⁵⁵ Redactor. 1938. T.2. P.540 – 541.

⁶⁵⁶ Redactor. 1938. T.2. P.555.

⁶⁵⁷ La Calle. 30.10.1938.

В ответ на циничное заявление Б.Льендо его коллега депутат от Оруро, сааведрист, представитель профсоюзного крыла собрания А.Карвахаль открыто сказал с трибуны парламента, что индейцы-понго оказывают личные услуги не только помещикам в их усадьбах, но и в городах, в том числе и «обслуживают жен их патронов». Взрыв возмущения на трибунах перерос в драку. Тут же были мобилизованы Женское католическое общество, правоконсервативные организации, вышедшие на улицы с призывами «очистить собрание от коммунистов и мужланов». Рабочему сектору с трудом удалось защитить А.Карвахаль от исключения из парламента, ограничившись санкциями временного лишения права высказываться на заседаниях. Несколько дней собрание посвятило обсуждению деталей этого скандала: аграрный вопрос был успешно предан забвению⁶⁵⁸. В дальнейшем к проблемам реформирования сельского хозяйства депутаты не возвращались.

Хотя в прессе и в среде интеллигенции, особенно политиков левой ориентации, аграрный вопрос широко обсуждался, общество еще не созрело до осознания необходимости реформы поземельных отношений. Значительная часть среднего класса, составлявшего большинство граждан, имевших право голоса, защищала свои корыстные интересы в деревне, была тесно связана с помещичьей собственностью на землю и стремилась сохранить статус-кво. К тому же само крестьянское движение за аграрную реформу лишь десятилетие спустя превратилось в мощную политическую силу, а в конце 30-х годов еще было слишком слабо. Профсоюзы в деревнях, основанные ветеранами войны в Чако, исчислялись единицами, были организационно разобщены и слабы. Пока городское «политическое» общество не столкнулось со всеобщим восстанием крестьян-индейцев, аграрная реформа обсуждалась лишь как отвлеченная и далекая перспектива.

Социально-экономические реформы.

Помимо конституционных вопросов Учредительное собрание большую часть времени посвятило обсуждению многочисленных проектов экономических и политических реформ. Левонационалистическое, социалистическое большинство пыталось сформулировать общие положения экономической и социальной политики, ставшие впоследствии основополагающими принципами национал-реформизма. Большинство из них не нашло поддержки в соб-

---

⁶⁵⁸ La Calle. 21.10.1938.

рации, даже союзники и единомышленники социалистов порой недооценивали значение предложений своих коллег.

Молодой, перспективный политик, будущий лидер национал-реформистов В.Пас Эстенсоро предложил собранию новые принципы экономической стратегии. Речь шла о диверсификации и индустриализации страны. В.Пас Эстенсоро подчеркивал, что прекрасно понимает невозможность конкурировать во всех отраслях производства с более развитыми странами на мировом рынке. Главное, по его мнению, было удовлетворение внутреннего спроса за счет местного сельского хозяйства и промышленности. В.Пас Эстенсоро обращался к опыту фашистских государств, в первую очередь Италии, к экономическим теориям автаркии, противопоставляя их либеральной модели открытого мирового рынку хозяйства. «С этой теорией мы должны решать наши проблемы, сохраняя золотые запасы, и готовясь в случае войны обеспечить себя всем необходимым, не находясь в зависимости от заграницы»⁶⁵⁹.

Наиболее радикальное и опасное для оловодобывающих монополий предложение исходило также от В.Пас Эстенсоро. Он предложил принять закон о введении государственного контроля над всеми валютными поступлениями, что было в штыки встречено горнорудными монополиями.⁶⁶⁰ После жарких дебатов и при отрицательном отношении правых министров экономического блока правительства это предложение было отвергнуто как экстремистское. Большинство инициатив левого крыла не было принято Ассамблеей, причем многие социалисты в фундаментальных вопросах часто блокировались с умеренными и либералами. Слишком велика была сила инерции и вера в универсальные принципы рыночной экономики.

Если экономические реформы, предложенные левыми, нашли слабое отражение в тексте конституции, то в области социальных гарантий был достигнут самый значительный прогресс. Социальный вопрос в конституции трактовался в рамках сотрудничества труда и капитала при контролирующей роли государства⁶⁶¹. Провозглашалось приоритетное развитие кооперативной формы хозяйствования в аграрном секторе и промышленности как альтернативы эксплуатации человека человеком. Кооператив, общественные формы собственности и организации производства рассматривались как оптимальный способ решения социальных проблем.

---

⁶⁵⁹ Redactor. 1938. T.2. P.271.

⁶⁶⁰ Klein, H S. German Busch and the Era of "Military Socialist" in Bolivia // НАНР.1965. vol.47, No.2.P.172.

⁶⁶¹ АА.1938. Т.3. Р.1472

Эти принципы были заимствованы как из анархо-синдикалистских и марксистских теорий, так и из опыта проведения реформ в Мексике в период президентства Л.Карденаса. Эти реформы имели большой революционный потенциал, и если бы они опирались на серьезную политическую волю военных-социалистов, то вывели бы страну к совершенно иной социальной реальности, перспективы развития которой сейчас трудно представить.

Новая конституция осватила авторитетом закона «социальную ответственность» государства за всех членов общества. Государство принимало на себя обязательство обеспечить всем гражданам прожиточный минимум. Государство признавало и обеспечивало право на медицинскую помощь и социальную поддержку. Социальное обеспечение объявлялось одной из важнейших функций государства⁶⁶². Декларировалась обязанность государства обеспечить всеобщее начальное образование для всех слоев населения. Фиксировались широкие социальные гарантии и права трудящихся, в том числе на труд, на пособия по болезни и инвалидности, безработице и т.д. Статьи 125 и 126 признавали право на организацию профсоюза и забастовку.⁶⁶³

Принятие Конституции 1938 г. – огромное достижение военно-социалистического режима. Конституция наметила пути реформирования боливийского общества. Впервые в конституции Боливии было закреплено право государства вмешиваться в экономическую жизнь, и определены условия, при которых государство могло нарушать право собственности во имя общественного блага. Были отменены понгеахе, личные услуги крестьян, а за индейской общиной признавалось права юридического лица. Новая конституция была манифестом демократических прав и свобод, до того времени невиданных в Боливии.

Политическая борьба май – ноябрь 1938 г.

Пока Учредительное собрание решало конституционные вопросы, текущую политику определял новый кабинет министров. Это был первый состав правительства, получивший полномочия не от Хунты, а от конституционного президента. Правительство не было однородным, правоконсервативным министрам противостояли радикальные националисты и социалисты. Внутренние противоречия разрывали правительство: интриги и борьба за влияние на президента стали единственной реальной политикой кабинета.

---

⁶⁶² АА.1938. Т.3. Р.1474.

⁶⁶³ АА.1938. Т.3. Р.1473

Националистически и антиолигархически настроенные министры во главе с Э.Бельмонте воспользовались преобладанием левых в Учредительном собрании и с опорой на социалистических депутатов организовали ряд радикальных акций. Первое, за что принялся Х.Буш были средства массовой информации, которые, по его мнению, обслуживали частные интересы олигархии вместо того, чтобы служить государству и всей нации. Он требовал установления полного государственного контроля над всеми «олигархическими изданиями». В июне 1938 г. Буш направил в собрание проект закона о печати, главный пафос которого состоял в борьбе с «правым экстремизмом» и олигархическим влиянием в средствах массовой информации. В конкретном применении этот закон был направлен против оплота либерализма - высокопрофессиональной и имевшей массового читателя газеты «Эль Диарио».

Собрание в течение двух месяцев, в июне и июле 1938 г., неоднократно обсуждало содержание публикаций в «Эль Диарио». Законопроект Э.Бельмонте серьезно ограничивал независимость средств массовой информации. Направляя свой главный удар против демократии и её институтов, Э.Бельмонте видел в свободной прессе единственный несокрушенный оплот либеральной оппозиции. Выступая в собрании во время дискуссии по поводу «Эль Диарио», он говорил: «Я являюсь сторонником свободы прессы, но не абсолютной свободы... В сегодняшней ситуации необходимо не размышлять над тем, что следует делать, а нужна руководящая идеология, способная вывести эту бедную страну из её несчастий». В качестве такой идеологии или «национальной идеи» он предлагал национал-социализм. Э.Бельмонте призвал собрание взять в качестве примера для подражания законы о печати нацистской Германии, где, по его мнению, газеты служили общенациональным интересам и стояли на страже моральных принципов⁶⁶⁴.

Депутаты поддержали жесткие меры против либеральных газет, прежде всего «Эль Диарио», позволившей усомниться в компетенции собрания. Левые заявляли, что газета виновна «в организации полномасштабного заговора против стабильности социалистического государства, ее деятельность противоречит доводам разума и морали»⁶⁶⁵. Из среды левых депутатов даже слышались предложения провести «социализацию» всей прессы, подчинив её тем самым общественным интересам, вырвав журналистов из-под влия-

---

⁶⁶⁴ Redactor. 1938. T.2. P.151 – 152.

⁶⁶⁵ Redactor. 1938. T.1. P.385.

ния капитала⁶⁶⁶. Безусловными выразителями этих общественных интересов депутаты считали самих себя.

13 июня 1938 г. собрание проголосовало за этот закон, давший полномочия исполнительной власти запрещать неугодную «правую олигархическую прессу». Единственными защитниками принципа свободы слова оказались либерал Фахардо и сааведрист-синдикалист Р.Лоса, решительно возражавших против доводов «социалистического» большинства⁶⁶⁷. За пределами собрания помимо традиционных партий наступлению на свободу прессы воспротивилась Университетская федерация, обычно поддерживавшая левонационалистическое большинство собрания⁶⁶⁸.

Закон о печати, направленный против «Эль Диарио», вызвал правительственный кризис: правые министры А.Паласиос (финансы), Х.Сальмон (сельское хозяйство) и А.Барриос (здравоохранение) подали прошение об отставке в знак протеста против гонений на прессу⁶⁶⁹. Х.Буш не принял их демарша и попытался успокоить, заявив, что закон о печати – явление переходного периода и вскоре будет заменен на новый, более мягкий. Правые круги были чрезвычайно напуганы активностью Э.Бельмонте и его радикализмом. Хотя их радовал антикоммунизм министра, они опасались установления антидемократического тоталитарного режима националистической ориентации⁶⁷⁰. На президента оказывали давление самые различные силы, стремившиеся ограничить деятельность Э.Бельмонте. Министры олигархического крыла кабинета требовали его отставки. К хору недовольных деятельностью Э.Бельмонте присоединился голос назначенного в конце июля 1938 г. командующего армией, старого консерватора и человека Патиньо генерала К.Кинтанилы.

Х.Буш был не тем человеком, который легко поддавался давлению и уговорам, тем более в случае, когда он был убежден в искренних патриотических и антиолигархических взглядах Э.Бельмонте. И все же настойчивые требования со всех сторон сделали свое дело. Одним из аргументов в пользу увольнения Э.Бельмонте было его участие в 1937 г. в разгроме «Клуба Ла-Паса», где он убил администратора клуба, что сделало его личным врагом всей элиты столицы. Регионалистские настроения были

---

⁶⁶⁶ Redactor. 1938. T.2. P.136.

⁶⁶⁷ Redactor. 1938. T.2. P.145 – 148.

⁶⁶⁸ El Diario.13.07.1938.

⁶⁶⁹ El Diario.15.07.1938..

⁶⁷⁰ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 10 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15.

особенно сильны в Ла-Пасе. Враждебные действия Э.Бельмонте в отношении элиты города были безрассудны, настраивали против него все население и видных политиков столицы, прежде всего сааведристов, подстрекавших взрывоопасную чоладу Ла-Паса. Х.Буш долго упрямылся, но столь единодушное наступление на министра привело к его отставке⁶⁷¹.

Последним и самым весомым аргументом не в пользу Э.Бельмонте был скандал, связанный с именем некоего Отто Берга. Обстоятельства этого неприятного для Э.Бельмонте дела заслуживают внимания, ибо показывают уровень политической культуры новых правителей Боливии. Кроме того, они свидетельствуют о слепой вере и невероятном энтузиазме Э.Бельмонте в отношении тоталитарных режимов, в первую очередь, национал-социалистической Германии.

Некий субъект под именем О.Берга появился в Боливии в 1937 г., представившись родственником Геринга. Он повсюду намекал, что прибыл в Боливию с секретным поручением от немецкого правительства. У некоторых политиков его личность вызвала подозрения. Генерал Э.Пеньяранда, к которому с якобы конфиденциальными предложениями от германского руководства обратился Берг, сделал запрос в боливийское посольство в Берлине⁶⁷². Пока шли проверки и ожидали ответ, Берг завоевал симпатии среди местных поклонников нацизма, включая Э.Бельмонте. Немец был принят самыми высокими боливийскими властями, вплоть до президента. Э.Бельмонте представил его кандидатуру на пост советника полиции. Затем Берг уехал из Боливии, а в Берлине появился некто Отто Гессман, представлявший себя агентом секретной службы и полковником боливийской армии. Он утверждал, что имеет секретные поручения боливийских властей к германскому правительству. Ответ Ла-Паса был однозначен: Гессман – самозванец⁶⁷³. Позднее выяснилось, что Отто Берг и Гессман – одно лицо, авантюрист и уголовник, имевший 13 судимостей в Германии в 20-е годы⁶⁷⁴.

Ко всему этому скандалу с последующим разоблачением оказался причастен доверившийся авантюристу Э.Бельмонте, павший жертвой собственной страстной любви к гитлеризму. Конфуз с делом Берга сильно повредил Э.Бельмонте. Постепенно его отно-

---

⁶⁷¹ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8, P.200.

⁶⁷² A.del Min.RREE. 1937 – 1938. Alem., 1 – R – 15. f.16.

⁶⁷³ Ibid, f.15.

⁶⁷⁴ Ibid., ff.9,12,17,18.

шения с президентом ухудшались, и в августе 1938 г. Х. Буш отправил Э.Бельмонте в отставку.⁶⁷⁵

Реорганизацию кабинета министров Х.Буш приурочил к ратификации собранием в августе 1938 г мирного договора с Парагваем. Несмотря на подписание перемирия и осознание двумя конфликтующими странами бесперспективности продолжения войны, переговоры в Буэнос-Айресе шли с трудом, а напряжение на линии разъединения сил оставалось значительным. Парагвай требовал уступки нефтеносных районов, с чем не могла согласиться Боливия. В течение 1937 года и в начале 1938 г. напряжение было столь велико, что порой казалось, военные действия вот-вот будут возобновлены. Эти обстоятельства заставляли боливийцев держать наготове сильную армию и не снижать военные расходы. С подписанием мира 21 июля 1938 г. было поставлена точка в конфликте с Парагваем.

Боливия окончательно вступала в период мирной жизни. Воспользовавшись этим предлогом, Х.Буш провел реорганизацию кабинета министров, удалив Э.Бельмонте. Реакция ликовала, интрига против сильной личности в правительстве удалась. Однако по своему обыкновению, Х.Буш уравнивал отставку «пламенного» националиста Э.Бельмонте назначением 28 сентября К.Салинаса Арамайю, имевшего репутацию крайнего социалиста и друга Т.Марофа, на пост министра сельского хозяйства, а самый молодой политик Альберто Селада, широко известный интеллигент социалистического направления, 12 августа получил портфель министра труда.

Ещё ранее, 1 августа президент отправил в отставку право-консервативного министра финансов А.Паласиоса, которого ещё за месяц до этого уговаривал остаться в правительстве. Х.Буш неожиданно назначил на его место умеренного реформиста В.Мендоса Лопеса, лидера созданной при Д.Торо Партии государственного социализма, преодолев, таким образом, своё недоверие ко всем политикам, выдвинувшимся при его предшественнике⁶⁷⁶. Новыми назначениями президент подчеркивал своё желание усилить антиолигархическое крыло кабинета. Его даже не остановила неприязнь к ПСЕ из-за её в прошлом тесных связей с Д.Торо. Правительство, хотя и стало менее радикальным, но сохранило свою преобладающую «социалистическую окраску». Окончательное формирование кабинета проходило на фоне политических ослож-

---

⁶⁷⁵ El Diario.22.07.1938.

⁶⁷⁶ El Diario.13.08.1938.

нений и скандала, связанного с известным писателем и историком А.Аргедасом.

А.Аргедас опубликовал несколько резких статей, направленных против правительства. В первой из них писатель избрал своей мишенью министра иностранных дел Э.Дьес де Медина, которому досталось и за мирный договор с Парагваем, и за участие в «социалистическом» правительстве. На его нападки ответил сын министра, молодой, но уже известный философ Фернандо Дьес де Медина, который в статье «Обиженный метис», опубликованной в левой бульварной газетенке «Ла Ноче», не стесняясь в выражениях, дал такую отповедь обидчику отца, что вызвал целый каскад ответных публикаций, в том числе и самого Аргедаса⁶⁷⁷. Скандалная публичная перепалка между этими представителями интеллектуальной боливийской элиты привлекла внимание всего общества.

В своей статье в «Эль Диарио» от 2 августа А.Аргедас затронул уже всё «социалистическое» правительство. Он с невероятным презрением писал о доморощенных социалистах. Намекая на президента и его прославляемую повсюду прямооту и честность, что, по его мнению, не соответствовало действительности, писатель процитировал известную фразу Саламанки: «Что-то есть в этом здании [президентском дворце – А.Щ.], что оно так меняет людей?» Далее ещё резче и откровеннее: «Эти господа, вселившись в президентский дворец с помощью силы и интриги или посредством голосования, только и занимаются тем, что распределяют посты, синекуры; привыкают к лести, почету, к лживым и угодливым фразам, поклонам». Самого же президента Х.Буша он назвал варваром и предостерег его от позора и осуждения историей и потомками⁶⁷⁸. Реакция правительства была предсказуемой: Аргедаса тут же обвинили в продажности и участии в заговоре в пользу «баронов олова». Правда, дальше этих обвинений тогда дело не пошло.⁶⁷⁹

4 августа 1938 г. «Эль Диарио» опубликовала самую острую и «роковую» для ее автора статью. В ней А.Аргедас обвинил правительство в коллективном воровстве государственных средств. Речь шла о решении хунты еще времен Д.Торо о передаче каждому министру 50 тысяч боливияно подъемных, что, по мнению автора статьи, было скрытой формой либо взятки, либо казнокрадства. В

---

⁶⁷⁷ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8, P.197 – 198.

⁶⁷⁸ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8, P.209.

⁶⁷⁹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 10 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15.

своим негодованием писатель был прав, но нападал он не на авторов этого решения, а на действующее правительство и на весь режим «государственного социализма». А.Аргедас делал самые широкие выводы в отношении правительства и подчеркнуто оскорбительно обращался к самому президенту, которого именовал не иначе как «молодой человек» и «господин полковник».⁶⁸⁰

Своей статьей А.Аргедас уязвил Х.Буша в самое больное место, оскорбив всех ветеранов, участников войны в Чако. Он писал: «У нас в Боливии появилась новая привилегированная каста – ветераны... Они повсюду. Вдруг недавно незаметные люди оказались способны ко всему, чего раньше не знали и не умели: управлять страной, вести экономические дела, заседать в парламенте, представлять страну на дипломатическом поприще. Сегодня достаточно быть ветераном, чтобы уже чувствовать себя способным к управлению страной, достаточно побывать в Чако, и вы – герой и можете везде блистать своими достоинствами... Что же там такого особенного в Чако, климат, небо, вода, ветер, что смогло свершить чудо с нашими людьми, дать им мудрость, знания, жизненный опыт и сделать их специалистами практически в любой отрасли и, особенно, в государственном управлении»⁶⁸¹. Далее А.Аргедас задел болезненные моменты политических скандалов: дело Отто Берга и Э.Бельмонте.

Серьезной содержательной частью статьи были обвинения в нарушении демократических свобод «социалистическим режимом» и осуждение его экспериментов в политике. А.Аргедас писал: «В этой работе по национальному возрождению правительство может еще многое сделать, если оно на самом деле вдохновляется идеей возрождения нации и искренне желает не только выполнить свой долг, обеспечив общественные свободы, но и следить за правильным использованием общественных средств, требовать порядка и честности от чиновников администрации, наказывать преступников, поднимать экономику и в целом осуществлять хорошее управление»⁶⁸². А.Аргедас задавался вопросом: способно ли на это правительство Х.Буша, и из изложения был ясен отрицательный ответ. Статья вызвала ярость Х.Буша, оскорбленного обвинениями в коррупции и презрительным тоном А.Аргедаса, писателя, уже ставшего к этому времени мировой знаменитостью. Главной же виной А.Аргедаса было то, что он в

---

⁶⁸⁰ El Diario. 04.08.1938.

⁶⁸¹ El Diario. 04.08.1938.

⁶⁸² El Diario. 04.08.1938.

данном случае говорил правду, а не следовал слепому восторгу и вере в гениальность Х.Буша, которые буквально поразили всех.

Сразу же президент послал своего адъютанта, чтобы тот немедленно привез А.Аргедаса во дворец. Ещё до этого Х.Буш приказал завести уголовное дело против Аргедаса по обвинению в клевете. В дом писателя нагрянули полицейские агенты, чтобы его арестовать, но прибывший адъютант Х.Буша увез писателя во дворец. Направляясь в президентский дворец, А.Аргедас был уверен, что его призвали под впечатлением от его статьи, чтобы испросить совета, побеседовать с мудрым писателем. Когда он прибыл в президентский дворец и оказался перед бравым полковником, произошла сцена, безусловно, покрывшая позором Х.Буша и все его президентство. В словесной перепалке офицер не мог конкурировать с известным писателем, отличавшимся язвительным языком. Х.Буш перешел на прямые оскорбления в адрес пожилого и уважаемого человека. Правда, и Аргедас не остался в долгу. Всегда неуравновешенный и склонный к необдуманным и резким поступкам Х.Буш в кровь избил пусть малосимпатичного и напыщенного, но беззащитного пожилого человека, забыв о своем высоком положении и обязанностях⁶⁸³. Своим поступком Х.Буш оскорбил не только А.Аргедаса, но и нанес удар по самому боливийскому государству, всем институтам республиканского правления, запятнал мундир офицера армии. Позорное пятно легло на Х.Буша, как президента и офицера, действия которого унизили страну, о моральном возрождении которой он так часто любил рассуждать. Скандал усугублялся тем, что эти события произошли всего за два дня до национального праздника, годовщины независимости Боливии.

Несмотря на то, что специальным распоряжением газетам в категорической форме запрещалось комментировать это происшествие, известие о варварском поступке первого лица государства стало самой шокирующей сенсацией, серьезно омрачившей торжества 6 августа, Дня независимости Боливии. В знак протеста на торжественное собрание не пришли правые депутаты и дипкорпус. Скандал приобрел международный оттенок, послы латиноамериканских стран солидаризировались с Аргедасом. Среди студенчества и интеллигенции, в том числе и левой, осуждение выходки

---

⁶⁸³ Céspedes, A. El dictador suicida. P.190 – 192. Díaz Machicao, P. Historia de Bolivia. Toro, Busch, Quintanilla. P.84 – 85. SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 10 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15., а также дневник самого писателя - ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8, P.218 – 219.

президента было единодушным. Х.Буша стали называть «новым Мельгарехо»⁶⁸⁴.

Вместе с тем окружению президента удалось повернуть конфликт, имевший морально-этический и личностный характер, в русло политического противостояния «старой и новой» Боливии. Учредительное собрание с порога отказалось рассматривать запрос либерала Фахардо, объявив этот инцидент личным делом Х.Буша и А.Аргедаса⁶⁸⁵. В то время как студенты и сааведристские «рабочие лидеры» типа У. Севильяно вышли на демонстрации протеста, левые и националистические группы организовали контрманифестации: конфликт приобретал политическую окраску как эпизод борьбы народа с олигархией. В рабочих профсоюзах столицы проходили собрания в поддержку Х.Буша. Профсоюзы даже предложили создать «ударные бригады, которые могли бы противостоять готоящемуся правому мятежу».

Х.Буш только через три недели публично отреагировал на обвинения в своей адрес. На пресс-конференции 24 августа он не оправдывался, а лишь заявил, что действовал как оскорбленный мужчина, а не как президент⁶⁸⁶. Х.Буш не только не чувствовал себя неловко после случившегося, но отнюдь не стремился затушевывать острые углы конфликта и даже продолжал угрожать, правда не лично Аргедасу, а всей олигархии и либеральной интеллигенции.

В противостоянии с правыми кругами Х.Буш пошел еще дальше, вызвав общий шок у «благородной публики». Именно в эти дни в Ла-Пас с разрешения правительства прибыл Тристан Мароф, который в июле 1937 г. вернулся в Боливию после 11 лет эмиграции. Его приезд был с энтузиазмом встречен всеми левыми и националистическими группами. Газеты «Ла Калье» и «Ла Ноче» посвятили этому бесспорному лидеру радикальных левых большие статьи, приветствуя его возвращение на родину. Более того, к ужасу олигархических сил, его принял сам президент. Между ними состоялась дружеская беседа, и оба остались очень довольны друг другом⁶⁸⁷. Т.Мароф подчеркнул важность этой встречи, что на фоне общего негодования интеллигенции и шума вокруг скандала с Аргедасом выглядело вызовом общественному мнению. Впрочем,

---

⁶⁸⁴ М.Мельгарехо – президент Боливии в 1864-1871 гг., диктатор, вошел в историю непредсказуемым сумасбродством и самодурством, демонстративным невежеством и варварством.

⁶⁸⁵ Redactor. 1938. T.3. P.150 – 151.

⁶⁸⁶ ABNB. Diario de Alcides Arguedas. T.8, P.234.

⁶⁸⁷ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de agosto de 1938. 30 – 3 – 15.

иного требовать от Т.Марофа было бы нелогично и наивно, так как он всей душой презирал и ненавидел Аргедаса, многие годы посвятил его травле в прессе и литературной критике. Т.Мароф поддерживал Х.Буша.⁶⁸⁸

Х.Буш был серьезно обеспокоен оппозицией всех традиционных партий, право-консервативных кругов. Он обратился к левым, рабочим организациям и получил от них поддержку. О степени беспокойства президента нараставшей оппозицией в обществе свидетельствовал его напугавший консерваторов приказ Э.Бельмонте вернуться из Буэнос-Айреса в Ла-Пас. Э.Бельмонте был уже готов отправиться в почетную дипломатическую ссылку в Италию и Германию, как вдруг его вновь отозвали в Боливию.⁶⁸⁹ Хотя в последствии это распоряжение было отменено, Х.Буш показал обществу свою решимость и готовность идти на самые непопулярные меры и конфронтацию с элитой.

Неумение президента найти политическое решение конфликтных вопросов, добиваться компромисса с политическими оппонентами, неспособность к ежедневной демократической работе по достижению согласия было причиной его раздражения и непонимания сути происходящего в Учредительном собрании. Х.Буш мало интересовался конституционными вопросами, а дебаты и острая полемика в собрании, в которых он видел лишь обычное политиканство и демагогию, настраивали его против публичной политики и демократического правления как такового. Правая пресса нападала на социальный конституционализм, пугала «сползанием страны к коммунизму». Х.Буш не желал сотрудничать с собранием. Собрание было ему необходимо лишь для принятия новой конституции.

В конце октября 1938 г. в правительстве обсуждался вопрос о дальнейших действиях после принятия конституции. Г.Госалвес предлагал формулу «добровольного прекращения деятельности ассамблеи». В прессе и обществе ходили слухи о подготовке роспуска собрания и установлении фашистской диктатуры.⁶⁹⁰ Правительство отвергало все эти слухи и разговоры, но на деле именно в это время Х.Буш склонялся к жесткому решению – установлению тоталитарной диктатуры. В правительстве и окружении Х.Буша были как сторонники, так и противники такого пути.

Считавший себя левым социалистом К.Салинас Арамайо, оказывавший на президента большое личное влияние, эволюциониро-

---

⁶⁸⁸ Ibidem.

⁶⁸⁹ Ibidem.

⁶⁹⁰ La Razón. 25.10.1938.

вал к национал-социалистическим взглядам (точнее в тот момент он был увлечен этими теориями). В фашизме он видел пример эффективной антилиберальной, антидемократической национальной революции. К.Салинас Арамайо подталкивал Х.Буша к установлению «фашистского режима типа бразильского»⁶⁹¹. По сути речь шла об авторитарном варианте национал-реформистских преобразований, имевших антиолигархический и националистический характер. Сам Х.Буш всё более склонялся к советам тех, кто ратовал за «тоталитарный режим».

Х.Буш активно обсуждал со своим окружением перспективы роспуска Учредительного собрания и установления новой системы власти. Главным противником диктатуры был Г.Госалвес, возглавлявший республиканско-социалистическую партию, генетически связанную с традиционной системой и олигархическим государством. Г.Госалвесу и другим умеренным политикам всё-таки на время удалось отговорить Буша от установления диктатуры. Любопытную запись беседы Х.Буша с лидером «восточного блока» в собрании, бывшим министром Х.Сальмоном приводит мексиканский посланник. Информация была получена из конфиденциальных, но верных, по его мнению, источников. Тогда состоялся следующий диалог:

Буш: Я закрою собрание и установлю военный тоталитарный режим, так как вполне ясно, что все демократии пришли к банкротству. Это видно на примерах Бразилии, Италии, Германии, показавших эффективность тоталитарного режима.

Сальмон: С кем, с какой партией вы хотите установить этот режим? Нет людей, которые его поддержат...

Буш: Я закрою Ассамблею и созову новые выборы!

Сальмон: Но кто попадет в новое Учредительное собрание? Это будут те же люди, что и сегодня⁶⁹².

Многие, даже его рьяные сторонники были против установления тоталитарной диктатуры. Подталкиваемый одними и отговариваемый другими, Х.Буш не решился на установление фашистского режима. Официально правительство объявило о своем решении распустить собрание сразу же после принятия конституции, а затем через год созвать этот же состав депутатского корпуса уже как обычную сессию парламента⁶⁹³.

---

⁶⁹¹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de octubre de 1938. 30 – 3 – 15

⁶⁹² Ibidem.

⁶⁹³ Ibidem.

30 октября после многомесячных обсуждений Учредительное собрание, наконец, приняло новую конституцию. Таким образом, ассамблея исчерпала свои полномочия. Президент, исполнительная власть должны были в дальнейшем государственном строительстве руководствоваться новым основным законом. И хотя Х.Буш склонялся к установлению диктатуры, он, не найдя серьезной поддержки даже внутри кабинета министров, приветствовал переход к новому конституционному режиму и демонстрировал готовность следовать всем демократическим процедурам.

После принятия конституции Х.Буш и Э.Бальдивесо принесли клятву верности новому основному закону. На церемонии закрытия Учредительного собрания с большой речью выступил вице-президент Э.Бальдивесо. В ней он изложил свое видение национальной революции или «государственного социализма». Он отверг традиционную демократию, находившуюся на службе привилегированных классов и иностранных угнетателей. Э.Бальдивесо говорил, что политики предыдущих эпох боролись за выборы, демократию, свободу прессы, а «между тем наши деревни оставались неграмотными, огромные территории отрезаны от мира и без путей сообщения, у нас нет своей промышленности, мы живем в полной зависимости от заграницы». Далее: «Мы боролись за эти свободы и потеряли три пятых своей территории... Нам нужно решать проблемы страны с новым политическим чувством, с новой идеологией».⁶⁹⁴ Такой идеологией должен был стать сплав социализма и национализма. Подводя итоги работы собрания, Э.Бальдивесо особо остановился на экономических завоеваниях: более строгом валютном контроле над экспортом минералов, укреплении суверенитета над нефтью и отмене понгеахе.

Пытаясь отвести от правительства широко распространенные подозрения в стремлении установить фашистскую диктатуру, Э.Бальдивесо особо подчеркнул, что целью режима является «умеренное и демократическое завоевание социализма». Э.Бальдивесо называл тех, кто активно воспротивился сползанию к диктатуре: это, без сомнения, Х.Буш и, как это ни прозвучало удивительным, личный недруг самого оратора - министр Г.Госалвес⁶⁹⁵. Судя по всему, в предшествовавшей закрытию собрания дискуссии в правительстве Э.Бальдивесо, выразивший мнение левонационалистического большинства ассамблеи, сблизился с правоцентристами во главе с Г.Госалвесом. Они одержали победу в противостоянии с

---

⁶⁹⁴ El Diario. 01.11.1938.

⁶⁹⁵ El Diario. 01.11.1938.

«тоталитаристами», к которым питал большие симпатии президент.

Не менее любопытным был финал речи. Э.Бальдивесо выразил свою радость и солидарность с победой Народного фронта в Чили. В завершение он сказал: «Возникает новый мир, повсюду происходит осознание необходимости борьбы во имя завоевания нашими народами большего благосостояния и большей человеческой солидарности»⁶⁹⁶. Все эти неожиданные пассажи лишь свидетельствовали о стойкой антиолигархической настроенности лидеров «государственного социализма». Новый режим в Боливии представлялся им националистической экономической системой, в рамках которой будет прекращено ограбление страны олигархией и империализмом, будет ликвидирована классовая борьба и раскол общества на противостоящие экономические группы. Военные-социалисты предлагали вариант националистической политики при радикальном усилении роли государства в экономике и социальной сфере. На этой базе должно было возникнуть монолитное политическое здание сильного государства. Лидеры «государственного социализма» по-прежнему во главу угла своих политических воззрений ставили принципиальное неприятие либеральной демократии, сделавшей возможным господство олигархии в их стране. По сравнению с предыдущим периодом «государственного социализма» помимо отхода от политики социального экспериментирования, чем характеризовалась вся деятельность администрации Д.Торо, произошла заметная эволюция к более радикальному национализму.

---

⁶⁹⁶ El Diario. 01.11.1938.